

Левъ Николаевичъ одновременно обновилъ не только надгробные памятники своихъ родителей и родныхъ, но и портреты своихъ предковъ, а также и фамильные печати. Но видимой связи въ этомъ я не усмотрѣлъ.] 23

24 [Если тщеславіе и гордость свойственны всѣмъ людямъ, то Левъ Николаевичъ имѣетъ право на эту черту больше другихъ.

Въ моемъ присутствіи онъ самъ сознавался въ своей гордости и тщеславіи. Онъ былъ завзятый аристократъ, и хотя всегда любилъ простой народъ, еще болѣе любилъ аристократію. Середина между этими сословіями была ему несимпатична. Когда, послѣ неудачъ въ молодости, онъ приобрѣлъ громкую славу писателя, онъ высказывалъ, что эта слава величайшая радость и большое счастье для него. По его собственнымъ словамъ, въ немъ было пріятное сознаніе того, что онъ писатель и аристократъ.] 24

Когда до свѣдѣнія его доходило, что кто нибудь изъ его бывшихъ сослуживцевъ или знакомыхъ получилъ важный постъ, сужденіями своими объ этомъ назначеніи онъ напоминалъ сужденія полководца Суворова. Иногда онъ съ насмѣшкой говорилъ, что онъ не заслужилъ генерала отъ артиллеріи, за то сдѣлался генераломъ отъ литературы. Однажды мы ѣхали вдвоемъ на охоту. [Я рассказалъ ему, что въ училищѣ правовѣдѣнія произведенія его, особенно «Война и Миръ», читаются у насъ съ большимъ увлеченіемъ и преимущественно передъ другими сочинителями. Онъ съ радостными слезами на глазахъ отвѣчалъ мнѣ, что это очень льститъ его самолюбію, потому что молодые люди лучшіе цѣнители красоты и поэзіи. Тогда